

УДК 101

**ПОЛИТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОНИМАНИИ И
РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ В РОССИИ****Упоров И.В.**д.и.н., к.ю.н., профессор
Краснодарский университет МВД России
Краснодар, Россия**Аннотация**

Рассматриваются вопросы, связанные с пониманием свободы личности как социальной ценности и особенностями ее реализации в России в ретроспективном аспекте. Отмечается, что теоретическое осмысление личной свободы началось в XIX в., гарантирующие их нормы конституционного характера стали приниматься с начала XX в. При этом в России была и остается актуальной проблема обеспечения государством «общественной свободы» (данный термин предлагается автором). В работе частично использованы более ранние авторские работы.

Ключевые слова: свобода, необходимость, власть, личность, конституция, право, реализация.

**POLITICAL AND HISTORICAL TRENDS IN UNDERSTANDING AND
REALIZING INDIVIDUAL FREEDOM IN RUSSIA****Uporov I.V.**Doctor of History, Ph.D., Professor
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Krasnodar, Russia**ABSTRACT**

Issues related to the understanding of individual freedom as a social value and the peculiarities of its implementation in Russia in a retrospective aspect are considered. It is noted that the theoretical understanding of personal freedom began in the 19th century, the constitutional norms guaranteeing them began to be accepted from the beginning of the 20th century. At the same time, the problem of ensuring “public freedom” by the state (this term is proposed by the author) has been and remains an urgent problem in Russia. The work partially used earlier author's works.

Keywords: freedom, necessity, power, personality, constitution, law, implementation.

Суждение о личной свободе как величайшей социальной ценности утвердилось в период Нового времени, когда этот тезис стал закрепляться и обеспечиваться в конституционных актах (английский Билль о правах 1689 г., французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г., американский билль о правах 1791 г. и др.). В России на политико-правовом уровне свобода личности была провозглашена государством лишь в начале XX в., когда в Манифесте об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г. российский император предписал правительству «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [1]. В развитие этого Манифеста в новой (1906 г.) редакции Основных государственных законов появилась глава 2 – «О правах и обязанностях российских поданных». Здесь содержались, в частности, следующие положения: «Никто не может быть задержан под стражею иначе, как в случаях, законом определенных ... Жилище каждого неприкосновенно ... Каждый российский подданный имеет право свободно избирать место жительства и занятие ... Каждый может, в пределах, установленных законом, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять их ... Российские подданные имеют право образовывать общества и союзы в целях не противных законам» [2] (ст. 31, 33, 34, 37, 38).

Однако до этих правовых норм (которые будут развиты, со своей спецификой, в дальнейшем в советской и постсоветской периоды) в России уже публиковались работы теоретического характера, где свобода как социальная ценность исследовалась в различных аспектах. В литературе в этой связи отмечается, что в трудах отечественных мыслителей в парадигме «государство-личность» сформировалось два основных подхода. Согласно первому, индивидуалистическому, государственная власть должна ограничиваться в интересах свободного самоопределения личности, а согласно второму, коллективистскому, подходу государство имеет безграничные полномочия, а свобода личности определяется из добровольных самоограничений государства [3, с. 122]. Между ними ученые определялись в своих позициях. Так, Б.Н. Чичерин, будучи сторонником «охранительного либерализма», отмечал, что «цель государства ограниченная: оно вращается в области общих интересов и не должно вторгаться в частную жизнь ... Самоограничение самодержавной власти равно благотельно и для нее самой, и для подданных. Оно служит доказательством, что правительство имеет в виду не собственную только прихоть, а истинную пользу страны» [4, с. 296]. Этот ученый отграничивал свободу личную и свободу политическую.

По мнению Б.А. Кистяковского, подлинную свободу человек может обрести только в правовом государстве, при этом он исходил из того, что права не создаются государством, а непосредственно принадлежат личности, и государство в эти естественные права человека не должно вмешиваться. К важнейшим составляющим свободы он относил свободу профессии, свободу передвижения, свободу совести [5, с. 473]. П.И. Новгородцев указывал на то, что для того, чтобы реализовать личную свободу, человек не может обойтись без необходимых материальных средств, поэтому он должен быть освобожден «от гнета таких условий жизни, которые убивают человека физически и нравственно ... Таким образом, именно во имя охраны свободы право должно взять на себя заботу о материальных условиях ее осуществления» [6, с. 210]. Свои суждения высказывали также Н.А. Бердяев, И.В. Гессен, М.М. Ковалевский, Н.М. Коркунов, П.Н. Милуков, Л.И. Петражицкий, Е.В. Спекторский, С.Н. Трубецкой, С.Л. Франк и др.

В последующем (в советской и постсоветской России) отечественные ученые больше внимания уделяли сущности свободы как социального блага, его признакам. Так, в СССР как непреложная диктовалась марксова формула о том, что свобода есть осознанная необходимость. Данный тезис, вместе с тем, комментировался по некоторым направлениям, заслуживающих внимания, например, И.Л. Петрухин пишет о том, что «социальная

необходимость не поглощает свободу личности; человек сохраняет возможность действовать по собственному усмотрению» [7, с. 9]. При этом во взаимозависимости необходимости и свободы Г.В. Дубовым замечена парадоксальная, на его взгляд, ситуация: чем больше человек познает необходимость и, прежде всего законы природы, тем сильнее он зависит от условий, которые познал, поскольку вынужден «связываться» этим знанием и в этом смысле становится менее свободным [8, с. 51]. На это счет имелась и другая точка зрения - приобретение и осознание человеком новых знаний является лишь необходимой, но отнюдь не достаточной предпосылкой свободы, в числе других предпосылок - реальность условий для совершения поступка, мировоззренческая позиция, физическое и психическое состояние человека, его потребности [9, с. 13].

Однако такой подход (свобода как осознанная необходимость), основательно раскритикованный, и прежде всего за схоластичность, после распада советского государства в 1991 г. не является определяющим, и, соответственно, какого-либо доминирования в обобщенном понятии свободы не наблюдается. Вместе с тем современные ученые, отталкиваясь от этого тезиса, предлагают, и не без определенных обоснований, иную трактовку, увязывая свободу и ответственность. Так, по мнению Ю.А. Кузьмина, «между ответственностью и свободой личности существует неразрывная связь, то есть чем свободнее личность, тем выше ее ответственность перед обществом, перед другими людьми. Свобода личности - неотъемлемая часть свободы, достигнутой обществом. Правильное понимание общественной и своей свободы, а также ответственности, прав и обязанностей является не только сугубо личным вопросом. Эта проблема является общественной, государственной» [10, с. 107]. А.В. Поляков полагает, что в настоящее время проявления свободы «утверждаются в рамках коммуникативной философии права, обосновывающей самопринадлежность (автономию) человека, его достоинство, ответственность и уважение к себе, стремление к реализации вовне, исполнение правовых обязанностей и борьбу за свои права, а также обязанность государства способствовать сохранению и творческому развитию личной свободы» [11, с. 37].

Эти и другие российские ученые продолжая традиции прежних эпох, продолжают исследовать феномен свободы личности (в числе авторов С.Б. Бобрышев, Ю.В. Вершинина, Л.Ф. Гареева, Е.Е. Желанкина, А.В. Каримов, С.Е. Князева, Е.А. Макеева, В.С. Неосесянц, Э.В. Никитина, И.А. Овсянникова, А.В. Поляков, М.Д. Рыбаков, С.А. Саенко, Л.В. Суменко и др.).

При этом современные российские ученые все больше внимания уделяют вопросам реализации человеком личной свободы, имея в виду, что государственные декларации о свободе далеко не всегда трансформируются в реальность, и «эта проблема требует пристального внимания со стороны исследователей, поскольку и в философском, и в юридическом плане по-прежнему трудно обозначить четкую грань между свободой и несвободой человека» [12, с. 144]. В этом контексте реализация свободы в истории России практически на всех этапах имела значительные осложнения. Так, о свободе личности в Российской империи можно говорить с большой долей условности, имея в виду прежде всего наличие крепостного права.

Важно заметить вместе с тем, что самодержавие как политический режим ограничивало свободу личности для всех подданных Российской империи, и прежде всего, конечно, для крепостных и других представителей низших сословий. При этом, однако, не было учтено, что индивиды как представители рода человеческого всегда стремятся к большей свободе. В данном случае речь идет о свободе определять свое место в обществе, то есть, на наш взгляд, наиболее важной свободе. И в этом смысле мы полагаем возможным совокупность свобод всех личностей в конкретном обществе полагать как «общественная свобода» (этот термин ниже будет нами использован).

И это естественное право осознавалось всё большим числом людей, и крупнейшее крестьянско-казацкое восстание под предводительством Пугачева показало, что и люди низших сословий хотят быть более свободными. Но здесь возникает вопрос о том, насколько сильным являлось стремление к свободе. Дело в том, что хотя это восстание было самым массовым протестным движением против действующей власти в истории России (численность участников превышала сто тысяч человек), в масштабе всей страны оно не стало всеобщим. Очевидно, в данном случае привычный образ жизни, социальное, имущественное, семейное положение, страх перед наказанием (а потенциально это ни много ни мало смертная казнь, что в итоге и имело место в отношении значительного числа восставших), другие жизненные факторы оказались весомее, чем призрачные выгоды от маловероятной победы восставших, и выбор такими людьми был сделан в пользу неучастия в протесте (восстании). Этот был свободный выбор, но выбор сохранения прежней несвободы (точнее, прежних ограничений свободы, поскольку абсолютного рабства в России, конечно, не было).

Последующие исторические эпохи подтверждают, что население России чаще всего предпочитало (и предпочитает до сих пор) подчиняться действующей власти, независимо от того, каким путем она была сформирована. Так, движение декабристов, прогрессивное и благородное - по критериям цивилизованности на тот период - не нашло поддержки в российском обществе, декабристы были признаны государственными преступниками и осуждены при молчаливом согласии тех, ради которых они отдали свои жизни и были отправлены на каторгу. Отмена крепостного права была осуществлена «сверху», по милости той же императорской власти, при этом абсолютизм в образе самодержавия оставался прежним; крепостные получили личную свободу, но это был не их выбор, а выбор имперской власти, осознавшей, наконец, что крепостничество в середине XIX в. резко снижает репутацию государства и потенциально опасно новыми масштабными протестами.

Тогда довольно четко обозначилась проблема развития в России гражданского общества, которое непосредственно связывается с общественной свободой. В Российской империи гражданского общества не было, и при самодержавии его по определению не могло быть. Трудно говорить о гражданском обществе и в советском государстве. Большевики, взявшие власть и руководившие страной от имени незначительного меньшинства (пролетариата), навязали абсолютному большинству (крестьянству) единственный, без выбора, путь дальнейшего развития согласно искусственным лекалам теории коммунизма. И абсолютное большинство советских людей, теперь уже при формальном равноправии, уже при конституции, уже без всякого самодержавия и без всяких сословий, приняли этот образ жизни - с руководящей ролью КПСС, восхвалением правителей и т.д. Между тем общественная свобода советских граждан, вопреки лозунгам и конституционным нормам, существенно ограничивалась: они не могли заниматься предпринимательской деятельностью, создавать свои общественные организации, пропагандировать иные, кроме коммунистических, идеи, выпускать свои газеты и журналы, выезжать в частном порядке за границу, высокая карьера была невозможной без членства в ВЛКСМ и КПСС и т.д.

Выборы депутатов в Советы были безальтернативными, а кандидаты в депутаты в обязательном порядке должны были получить предварительное одобрение в местных организациях КПСС. Тем не менее, избиратели голосовали почти единодушно за безальтернативных кандидатов (другое дело, что Советы, являясь формально властными структурами, де-факто лишь санкционировали партийные предписания). Как видно, и в СССР гражданское общество было не на высоте. Но для жителей СССР существовавшее положение было приемлемым, и они соглашались с ограничениями их свободы. Мы

полагаем, что здесь имела место общественно-историческая психология: при всех издержках свободы личности в СССР было все же больше, чем в империи.

В частности, даже в рамках стесненной экономической и политико-идеологической свободы, советские граждане в своем абсолютном большинстве имели значительные возможности для самореализации: обучение в вузах и техникумах, научная деятельность, техническое творчество, спорт, искусство, литература и т.д. при достаточно мощных социальных гарантиях. Была также генеральная коммунистическая идея. В совокупности всё вместе это было важнее отсутствия свободы в некоторых сферах. Поэтому единичные выступления оппозиционеров («антисоветчиков») и протесты воспринимались в основном негативно (так, не были поддержаны открытое выступление Ф.Ф. Раскольникова против диктатуры Сталина в 1939 г., протест рабочих Новочеркасска в 1962г., выступления академика А.Д. Сахарова в 1970-е гг. и т.д.). Но с конца 1970-х гг. стало приходить понимание, что генеральная идея коммунизма не выдерживает испытания практикой, уровень жизни понижался, и общественное сознание вошло в противоречие с консервативной партбюрократией. Вот тогда-то, на рубеже 1990 г., впервые и пока единственный раз, на наш взгляд, российское население потребовало общественной свободы. И получило ее в виде сначала также впервые проведенных действительно свободных выборов депутатов Верховных Советов (в 1989 г. на союзном уровне и в 1990 гг. в РСФСР) и затем, уже после распада СССР, Конституции России 1993 г. Однако этот порыв довольно вскоре угас, и общество полностью доверилось новой власти. Свободы стало больше, а социальных гарантий – меньше. Такое положение мало кого устраивает, и сейчас российское общество вновь поставлено перед выбором параметров общественной свободы. Каким будет этот выбор – покажет, вероятно, ближайшее будущее.

Список литературы:

1. Манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17.10. 1905 г. // Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / Отв. ред. О.И.Чистяков. М.: Юрид. лит-ра, 1994. С. 41.
2. Свод Основных Государственных Законов // Свод Законов Российской Империи. Том первый. Часть I. М.: Типогр. А.А. Левенсона, 1910. С. 1-19.
3. Морозова Л.А. Взаимоотношения личности и государственной власти в историко-правовой мысли России XIX – начала XX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2018. № 1. С. 115-127.
4. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. Ч.1. М.: Тип. Мартынова, 1882. 494 с.
5. Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии и психологии. 1906. № 85. С. 469-507.
6. Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование // Полярная звезда. 1905. № 3. С. 210-211.
7. Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М.: Наука, 1985. 239 с.
8. Дубов Г.В. Проблема свободы и ответственности в общественной мысли и современность. М.: Академия МВД СССР, 1990. 147 с.
9. Косолапов Р., Марков В. Свобода и ответственность. М.: Политиздат, 1969. 96 с.
10. Кузьмин Ю.А. Необходимость и свобода как философская проблема // Скиф. 2017. № 9. С. 103-107.

11. Поляков А.В. Дефицит свободы как политико-правовая проблема // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 4. С. 37-56.
12. Никитина Э.В. Соотношение формальной и реальной свободы в аспекте реализации права // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 2 (40). С. 142-147.

References:

1. Manifesto on the improvement of the state order of 17.10. 1905 // Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 vols. 9. Legislation of the era of bourgeois-democratic revolutions / Ed. O.I.Chistyakov. M.: Yurid. lit-ra, 1994. P. 41.
2. The Code of Basic State Laws // The Code of Laws Of The Russian Empire. Volume one. Part I. M.: A.A. Levenson's Typograph, 1910. pp. 1-19.
3. Morozova L.A. The relationship of personality and state power in the historical and legal thought of Russia of the XIX – early XX century // Historical and legal problems: a New perspective. 2018. No. 1. pp. 115-127.
4. Chicherin B.N. Property and the state. Part 1. Moscow: Tip. Martynova, 1882. 494 p.
5. Kistyakovsky B.A. The legal and socialist state // Questions of philosophy and psychology. 1906. No. 85. pp. 469-507.
6. Novgorodtsev P.I. The right to a decent human existence // Polar Star. 1905. No. 3. pp. 210-211.
7. Petrukhin I.L. Personal freedom and criminal procedural coercion. Moscow: Nauka, 1985. 239 p.
8. Dubov G.V. The problem of freedom and responsibility in public thought and modernity. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1990. 147 p.
9. Kosolapov R., Markov V. Freedom and responsibility. M.: Politizdat, 1969. 96 p
10. Kuzmin Yu.A. Necessity and freedom as a philosophical problem // Skif. 2017. No. 9. pp. 103-107.
11. Polyakov A.V. Lack of freedom as a political and legal problem // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 13. No. 4. pp. 37-56.
12. Nikitina E.V. Correlation of formal and real freedom in the aspect of the realization of the right // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2020. No. 2 (40). pp. 142-147.